

Абдулла Кадыри

РАССКАЗЫ

НА УЛАКЕ

*Этот рассказ был написан в 1915 году по
детским воспоминаниям.*

I

Вчера сам папа разрешил мне побывать на улаке, и сегодня я наскоро проглотил чай и побежал в конюшню. Мама и папа засмеялись: смотри, у тебя выросло шесть ног и семь рук.

Я схватил скребницу, расседлал своего конька с белой отметинкой на лбу и начал его чистить. Конь волновался, мотал головой, бил копытом землю, махал хвостом. Я мечтал: бог даст, на следующий год я буду участвовать в состязаниях и тогда все ахнут: «Вот так Тургун-наездник! Отличный джигит».

Я надел на коня изящное монгольское седло, купленное мне в подарок на праздник хаит. Начистил русскую уздечку, ту самую, что выпросил у дяди, потом стал поодаль и осмотрел коня — все было в порядке: сбруя на месте, седло, как влитое, подпруга прилажена вплотную, а уздечка, ах какая уздечка, просто царская. А вот нагрудника не было, и это меня немножко расстроило.

Я с минутку подумал и вспомнил, что на днях брат принес новый ремень. Я незаметно вынес его из дома и смастерил нагрудник. Мой конь горячился и рвался вперед. Я в последний раз осмотрел его и привязал к столбу.

Осталось одеться самому: чесучовый камзол, русские длинные штаны, лакированные сапожки, бархатная тубетейка. И можно садиться в седло.

У мамы есть странная привычка: как только сунешься за

новой одежкой, она обязательно кричит: «Испачкаешься, в гости идти не в чем будет!» И пока не захнычешь, ничего не выйдет. И на сей раз я сначала похныкал, потом оделся и подвязался шелковым кушаком. Тихонько, чтобы не видела мама, зашел в комнату и сунул под камзол папину нагайку с серебряной ручкой.

Работник принес мясо. Я попросил его вывести коня на улицу, а мясо сам отнес маме и побежал. Мама закричала вслед: «Не испачкайся, не гони лошадь, не лезь в толпу!»

Я вскочил на коня, подобрал полы халата и хлестнул плеткой. Конь помчался.

II

Как раз, когда я поил лошадь из глубокого арыка, подъехали всадники. Среди них были знакомые брата, и они поздоровались со мной. Один спросил, где брат, и я сказал, что брат еще утром отправился на улак.

— Наш Махкамбай страстный любитель улака,— сказал тот, который спросил о брате.

— А ты куда направляешься?

— На улак.

— Скажи на милость! Тоже, значит, наездник. Так и будем звать: Тургун-наездник!

Мне очень понравилось, что меня назвали наездником, и я подумал: «Какие хорошие люди!»

Едем целым отрядом. Мой белолобый не отстает от других, а иногда и обгоняет. Слышу, кто-то говорит: «Хорош у тебя иноходец, парень».

Мужчины толкуют о чем-то своем, задают и мне вопросы. Я робею. И опять заходит разговор о брате:

— Много я видел наездников,— говорит один,— но такого страстного любителя улака, как Махкам, впервые встречаю.

— Так у него же деды и прадеды знаменитые наездники,— говорит сын Сабира-мельника и кивает на меня.— Смотрите,

мальчишке двенадцать лет, а тоже собрался на улак.

От этих слов мне становится жарко и хочется смеяться, но я сдерживаюсь.

— Мой отец рассказывает удивительные вещи о дедушке Махкама.

— Знаменитый наездник был,— говорит парень с усами.— И побеждал зараз сто и даже двести наездников.

— Значит, был королем состязаний,— вставил сын Сабира-мельника.

— И ты бы стал королем, будь у тебя хорошая лошадь и сила в руках,— заметил другой.

Мне было приятно слушать, как хвалят моего деда.

В эту минуту мы услышали конский топот, я оглянулся и увидел верхового на буланой лошади. Он был обнажен до пояса и держал перед собою облезлого козла.

Он поравнялся с нами и поздоровался.

— На этой неделе поможете мне, а? — улыбаясь, сказал Туган-ака.

— Кому же помогать, как не вам,— ответил парень и добавил нетерпеливо:— Ну-ка, попроворней.

Он некоторое время ехал с нами, но потом, видно, ему надоело, он ударил лошадь плетью и полетел, как птица. «Мне нужно спешить»,— услышали мы его голос.

Теперь речь зашла о лошади только что умчавшегося человека.

— Хорош скакун,— сказал Туган-ака,— настоящий иноходец.

— Летит как ветер,— добавил парень с усами.

III

Брата мы встретили на маленьком базарчике Домбрабад. Он с друзьями заказывал чайханщику плов. Улицы поселка никто не поливает, поэтому очень пыльно.

Наконец мы добрались до места, где должно было

происходить состязание. Огромная, просторная поляна. Народу собралось много. И участников, и зрителей. Под двумя густолиственными, раскидистыми карагачами кипят два огромных, как бочки, самовара. Немного поодаль выставлены мешки с огурцами и продавцы выкрикивают: «Хрустящие огурчики, сладкие огурчики!»

Брат спешил около чайханы. Было жарко, и я спрятался в тени карагача. Многие смотрели на меня и моего коня. Я смущался и теребил гриву моей лошадки. Всюду гул, шум, все с нетерпением ждут начала состязаний.

— Сегодня ничего интересного не будет,— слышу я чей-то голос.

— Не ври, именно сегодня и будет интересно,— перебивает другой,— приедут Салим и Мурад.

— Конечно, если Салим приедет,— вставляет кто-то.

— Да, лошадь у него казахская, не любит нагайки.

— Их было трое,— говорит какой-то старик,— а вот уже два года одного не видно, он-то был настоящий.

— Верно, верно, и я его уже давно не встречал. Коренастый такой парень?

— Да. И никто не знает, куда он делся.

И еще долго говорили об этом парне. Кто-то уверял, что он умер, кто-то кричал — жив!

— Да нет же, его покалечила лошадь.

— Начинают,— чей-то голос перекрыл шум, все сразу умолкли.

На поле выехали два наездника на танцующих конях. «Салим и Мурад»,— зашептали вокруг.

— Который Салим? Тот черный, рябой?

— Ох, наверно, Салим победит!

Один из наездников был на сером, другой — на пегом коне, оба огромного роста.

Публика заволновалась:

— Сейчас увидим настоящие скачки!

— Что будет сегодня!

— Смотрите, какой конь у Мурада, просто крылатый.

— О каком ты говоришь, о сером или пегом?

— Оба чистокровные, никто таких не догонит.

— Вот тот, с торчащими ушами, видно сразу, как ветер.

— Дело не в ушах, а в породе.

— Говорят, что черный конь победит.

— Покойный отец всегда, когда покупал коня, разглядывал копыта, все дело в копытах.

Вслушиваясь в этот гомон, я про себя думал: «А какие копыта у моего коня?»

Подъехали мои друзья — мальчишки с нашей улицы — Нурхон, Хайдар-шепелявый и Шакир-сопливый. У нас завязался свой разговор.

Нурхон рассказал, как он выпрашивал у отца коня, а Хайдар — о том, что в дороге его конь все время смотрел на кобылу Шакира и ржал.

Мы смеялись, Шакир клялся, что никогда больше не будет ездить на кобыле. Потом они увидели нагрудник и стали спрашивать, сколько такой стоит.

— А нагайка серебряная?

Я смотрел на свою лошадь, одежду и понимал, что выгляжу лучше их.

— Давайте поскочем,— предложил Хайдар-шепелявый.

Мы сели на коней, я ударил своего плеткой, и он вырвался вперед. Я доскакал до холма и стал ждать мальчишек. Они подъехали, и мы снова заговорили о лошадях. Нурхон объяснил, что его лошадь не может быстро нестись, потому что брат напоил ее, разгоряченную, холодной водой.

Хайдар ругал своего соседа Эсана за то, что тот неожиданно бросил с крыши глиняный катыш прямо на его лошадь. С тех пор, сколько ни бей, она только пугается и ни с места.

О моем коне Хайдар сказал: «Твоего ни с каким сравнить нельзя».

— Ты счастливец,— добавил Нурхон,—но только смотри, не доверяй его никому, испортят коня.

Мы еще долго беседовали, а потом потихоньку поехали назад. Я опять оторвался от них и поскакал вперед. А когда приблизился к толпе, то вдруг подумал: пусть и меня заметят. И хлестнул коня плетью. Он полетел как ветер, и многие смотрели на меня и моего черного, с белой отметиной на лбу, конька, а я все думал: «Смотрите на меня, запоминайте»,— и все стегал коня.

IV

Среди зрителей началась суматоха. Вон собирают награду победителю. Вон Мурад уже встал. Салим надел колпак наездника. Мясник Рузи сейчас будет резать козла, уже нож точит. Вон и байские сынки поднялись. Кажется, Салим снимает халат! Ага, молодцы!

Мы с нетерпением ждали начала.

Наездники то снимали верхние халаты, то застегивали подпругу на коне.

Мой брат снял шелковую чалму и полосатый халат, отдал все это мне и тоже поскакал на главную дорожку. Уже почти все участники собрались, а козла все еще не приносили. Зрители теряли терпение: «За это время и верблюда можно было зарезать».

Через несколько минут откуда-то появился Ариф-саркар, за ним человек в колпаке первого наездника. Колпак был набекрень, и сам он сидел в седле скособочившись.

— Вон и козла приволокли.

— Кровь-то всю выпустили? — спросил кто-то.

— Будьте спокойны,— ответил Ариф-саркар и резким движением швырнул на землю тушу козла. Потом подъехал к зрителям и крикнул:

— Подайтесь назад! Детей уберите. С лошадьми шутки плохи.

Ариф-саркар погнал свою лошадь к месту, где лежал козел.

— Посмотрим, кто из вас самый ловкий... Посмотрим! Давай, давай,— кричали зрители.

Состязание началось.

Один хватает тушу, другой вырывает у него, тянет к себе, налетает третий, четвертый, и вот уже тушу тянут восемь человек — каждый в свою сторону. Подскакивают еще и еще наездники. Каждый старается отобрать тушу у другого. Тянут за ноги, за хвост, за шею. Очень трудно выбраться из этой свалки. Вот один ухватил тушу, но не успел проскакать и десяти шагов, его настигают другие.

— Под колено ее, под колено клади! — кричат зрители.

— Отпусти уздечку, возьми плетку в зубы, не глазами по сторонам.

— Ага, схватил! Не отдавай!

— Поворачивай налево, налево!

— Держи, не отдавай!

— Вот окаянный, прозевал, а еще наездник!

— Чтoб твоя лошадь сдохла, это же не лошадь, а ишак.

Туша срывалась, и тогда кто-нибудь из зрителей мчался со всех ног, хватал и подавал ее другу, знакомому, брату, старался сделать это попроворнее, чтобы «чужие» не выхватили. Но его оттесняли, и он выскакивал, хромя и потирая руку. А потом подробно рассказывал соседям

о том, как его прижали.

Уже никого нельзя узнать в лицо. Пыль, гам, запах пота. Каждый старался схватить тушу, сунуть ее под колено, никто не обращал внимания на разбитую голову, битый глаз, вывихнутую руку. Лишь бы схватить козла и сунуть под колено. Это уже половина победы.

Но не каждому это удавалось. Уже многие хватали тушу, а не могли ускакать дальше — их настигали соперники.

Прошло уже много времени.

Вдруг наездники внезапно съехались в кружок, притихли. Мы все, конные и пешие, бросились туда, к ним. Я очутился сзади и

никак не мог прорваться поближе.

Все встревоженно спрашивают друг у друга: «Что, что стряслось?»

Через несколько минут я услышал голос: «Осторожно, осторожно».

— Ну-ка, отойдите подальше.

Толпа качнулась назад.

— Что, кто?

— Да ничего. Эсанбая лошадь затоптала.

— Очень покалечила?

— Нет.

Люди переглядывались: несчастье, беда!

— Ну-ка, посторонись! — Несколько верховых выехали из толпы. Они везли пострадавшего. Его осторожно положили под дерево. Послали за арбой. Кто-то брызгал водой в лицо Эсанбая, но он не шевелился.

— Пять лошадей топтали беднягу.

— Не все ли равно — пять или десять. Ударили в живот или в шею.

— Если у него век долгий, выживет.

«Он мне на прошлый хаит дал полтинник,— подумал я.— Он добрый, пусть выживет, господи».

Эсанбая уложили в подъехавшую арбу. Брат и еще трое парней повезли его в город.

— Пусть приложат соленую вату!

— Нет, лучше положить нагретые отруби!

Они уехали, а улак продолжался. Я пробыл до самого конца. Больше ничего не случилось.

V

Домой я вернулся поздно и уснул как убитый. Утром мама разбудила меня: «Вставай, вот придет отец, он тебе задаст»,— и сдернула с меня одеяло.

— Папа разве не на базаре? — удивился я спросонья.

— Он на заупокойной молитве. Хоронит Эсанбая,— тихо
ответила мама.

Я мгновенно проснулся.

1915

Перевод Н. Владимировой

О ЧЕМ ГОВОРИТ УПРЯМЕЦ ТАШПУЛАТ

(Веселый разговор)

Что-то в последние дни становлюсь я таким нечестивцем... И чего они хотят, эти неподпоясанные? Порази меня дух твоего святого, если я хоть что-нибудь понимаю.. Слушай, Махкам-палван, был я вчера в махалле, подходит ко мне один: вас, говорит, комиссия вызывает. Пошел. Сует мне этот «комиссия» клочок бумаги — точь-в-точь в какой насвай заворачивают. Вам пришло семь с полтиной «налоговой», говорит. У меня в глазах потемнело. Кто это сказал, спрашиваю. Власти, говорит. А кто такой «власти», говорю. Не выкобенивайся, говорит, плати семь с полтиной. Ох, говорю, напушу я проказу на твою щегольскую рожу! Не выпячивай кадык, говорю, чтоб тебе нос речным илом забило! Ну, говорит, палван, найдите какой-нибудь выход... Нет, говорю, получишь свои семь с полтиной на Страшном суде! И ушел.

Скажи, Махкам, этот «налоговой» на самом деле есть, или комиссия чаевые выколачивает? Ну, ладно, сам скажи — я что, деньги с веток стряхиваю, что ли? Какой дурак даст Ташпулату семь с полтиной, когда я на жалкие чаевые перебиваюсь? Да и то, если перепадут... Что ж мне, петуха своего единственного продать? Или перепелку? Сапоги мои, сам знаешь, уж пятнадцать дней в закладе, а чапан, ты сам видел, я вчера за три целковых продал. Бог свидетель, «головам» лопается.. Что они, повесят меня, эти евнухи, если я не заплачу? Да пусть меня бог накажет, если им хоть копейку дам.

Эй, ты, рыжий, дашь ты мне, наконец, чилим, сучий ты сын?..

Гляди, гляди. Махкам, чье же это райское создание идет?.. Оно что, вовсе без костей, что ли? Ишь. какое пухленькое... Эй, эй, есть и у нас пиалушка чая! Вот кобелиная подстилка, и не

обернулась!.. Ноль внимания. Постой, постой, а не дитя ли это Салима-Колючки?.. Как яблочко налитое. Если б Хаджи-цирюльник увидел — сдох бы сразу. Веки припухлые, шейка тонкая... Эй, эй, отзовись!

* * *

Бог свидетель, и пусть он меня покарает, если я хоть малость понимаю, что это нынче творится! Ну, что это за новая школа? Кто ее выдумал? Вообще это что — школа? И учат там уму-разуму?.. Я как-то забежал туда — за петухом своим гнался. Полный двор молокососов, ни тебе «здрасте», ни тебе «до свиданья», перепуганные какие-то. Что это — правильно, да? Петух мимо пробежал, проворчал, так они сбились в кучу, прижались в уголке друг к дружке. Ух, вы говорю им. У, храбрецы говорю. Мне бы вашу храбрость. Эй, Махкам, думаешь, в этой новой школе вырастят хоть одного джигита?.. Да если из этих недоделанных маменькиных сынков не выйдет евнухов, привяжи меня рядом со своей собакой!

Ты слышал, что говорит этот сучий сын Хайдар?.. Ученики, что учатся в этой школе, будут, говорит, летать на айраплане. Что это — айраплан, ты не знаешь?.. Ты видал, я запускал пестрого змея! Господи, прости, я же привязал к его хвосту четырех щенят! Скулят, сволочи... Да покарай меня дух предков, если я хоть в грош ставлю это барахло, хлам этот... Постой, постой, Махкам, ты, клятвопреступник, ты куда — в кабак? Дай мне в долг копеек пять-десять, а, сукин сын? И мне охота отведать святой водички... А то, ох, и надоело это фараоново зелье. Слушай! Посмотри мою перепелку, только вчера из клетки вытащил, глянь-ка... Попробуй ее кому-нибудь толкнуть, а? Это еще не битая, ей-богу!

Да, что же это делает твой Салим-Карлик, а? Я у него спрашиваю свой выигрыш — отворачивается. Он что, нищим меня сделать хочет? Ты скажи ему, пусть отдаст по-хорошему. Если озлюсь, я же с него шкуру спущу, как с поросенка! Бог

свидетель, я нынче без гроша... Так его. прах твоего предка — безденежье замучило!..

* * *

Эх, сказал бы я тебе!.. Вот твои баи — все до одного у меня на ладони, эти твои Бувадахон-тура, Азимбай-угольщик, Саиб-Рохля, Азим-Проныра, Мирхалик-Кривой. Магшукур, Юсуфходжа, Шаалим-Хромец и этот, из молодых, Азиз-старьевщик. Я уж про тех молчу, что на ситцевом базаре — все они паршивцы, все свои делишки обделывают. Эти подлецы хоть одного бедняка на голове погладили? Или школу построили?.. Эх, вы, баи, всех бы вас... отряхнуть бы на вас подол!

Был я третьего дня в Коктераке, так Азиз-старьевщик из цыганской махалли у самой дороги крытый навес поставил. Бог свидетель, я с четырех сторон заходил — любовался. Сам он развалился на пуховых подушках — точь-в-точь горшок с маслом тетки Шарван. Этот толстый байвачча своих гостей одной «белоголовкой» угощает! Да! Вот это мне нравится...

Это кто, кто там прошел, на голове шапка? Смотри-ка. Это что же, мусульманское дитя? Это у них власть, да?.. Господи, да все, что он сделал, я б засунул ему в штаны!.. Смотри, какой серьезный, гляди, серьезный какой! Держи-и негодника, держи-и вора, он чужую жердь заглотнул! Держи жулика-а!..

На днях один из таких бездельников напялил набекрень красную тюбетейку — и идет, переступает... А вид такой гордый, словно он и с губернатором с одной тарелки есть не станет. Идет, зажал нос платочком... Бог свидетель — была б на улице хоть пылинка. Ох, меня зло взяло! Постой-ка, Ташпулат, говорю я себе, испорти настроение этому господину, благое дело сделаешь! Подтянул штаны, да и выскочил на середину улицы. Сам знаешь мою привычку ногами притоптывать — ну, пыль поднялась до неба, ей-богу! Видел бы ты — иду я, выбрасываю ноги, а за мной прямо дым из трубы! Поди теперь, узнай того господинчика...

И вдруг улицу свист пронзил. Стоп, сказал я себе, это что, кто-то из негодников околел?.. А тут свист, а тут свист!.. А кроме меня, на улице другой милиции нету. И вдруг из тучи пыли выскакивает этот господин — как Гороглы-султан! Что это, говорю, у тебя настроение испортилось?.. Да кто это здесь напылил, говорит. А у самого морда, как у злой собаки. И вдруг я чувствую — мой гнев впереди меня на сорок шагов бежит. Распахнул я крылья, как орел, и двинулся на него.

— Кто напылил, да? Я напылил!

— Зачем ты это сделал?

— А тебе что?

— Идем в район!

— А я в районе никому не должен!

Смотрю, дело всерьез. Погоди, говорю, коли уж идти в район, так надо быть ему под стать!.. Снял я халат, бросил его наземь, тюбетейку на лоб надвинул, протянул руку, ухватил этого господина за его портянку на шее, да ничего не вышло — только я собрался его проучить, как народ на улице собрался. Вызволили-таки его из моих когтей. Так его, дух твоего предка! Эй, ты, говорю, убирайся на свою Александрийскую, где нету пыли!.. А старый город — пристанище мусульманских детей... Вспомнил бы свою улицу Первых ласточек, куда вы пришли с одним мешочком джиды!.. И неужели правда, что эти отступники переехали в «городска» район?..

Ну, до свиданья, что ли, Махкам... займи-ка мне из твоих грошей копеек пятьдесят. Если я сегодня пил чай — можешь считать, твои честные деньги выброшены на ветер... Ну, ладно, приходи завтра в чайхану Наби-персиянина... «пожалиска»...

* * *

Салом-алейкум! Ты жив, братец? Ни в какой погреб не упал, сохрани господь?.. Ох, и соскучился я, а ты обо мне и не вспоминаешь, каналья!

Сказать тебе но-божески, воротит меня от любого из этих твоих молодых грамотеев-афанди. Гляну на них — веру сменить хочется. Волосы отрасли, а ум проспорили. Не спорь, не спорь — аллах свидетель, я и вполонину не вру, не то пусть бог меня покарает.

Ты что, сам из этих афанди? Ну да, посмотри на свою шелковую рубашечку. Так и хочется высморкаться ей в кармашек. Не смейся, бог свидетель, смотрю я на тебя — и от веры отрекаюсь. Все вы у меня, людишки, на кончике ногтя!.. На такую рубашку небось госказна пять целковых подкинула?..

Не смейся, говорю тебе, не смейся. Кто тебя насмеяться то научил? Если, случаем, не спешишь к портному, послушай два словечка Ташпулата-богача. Слышь, прочти вот этот клочок бумаги, прочти! Хорошенько разбери, что здесь написано, и растолкуй мне насчет этого твоего «налогового». Мое-то положение ты знаешь. Если я со вчерашнего дня держал что-нибудь во рту. пусть меня накажет святой Джабраил. Позавчера лежал я в чайхане Наби, он-то мне и сказал — тебя, мол, комиссия зовет. Пошел я, ни бе ни ме, протягивают бумагу. Что, говорю, царю воины понадобились? Смеется. Ну, говорит, вам пять целковых пришло налоговой. Так я же, говорю, уже закрыл свою лавку в мануфактурном ряду! Не знаю, говорит, поди и сам объясни. Ей-богу, терпение мое лопнуло. Засунул я за пазуху эту бумагу и пошел к налоговому начальству. Смотрю, а там полно таких же божьих тварей, как я, с опущенными головами. Эй, говорю, который из вас здесь старшой? Послали меня к одному, что за столиком сидел, вытащил я из-за пазухи бумагу и протягиваю. «Пожалиска . говорю, разберись. Имя, говорит, Ташпулат. Имя отца? Эшмурат. И что же ты думаешь? Да, говорит, Ташпулат, сын Эшмурата, вы должны заплатить пять рублей. А если, говорю, мелких нет?.. Где, говорит, работаете? Шатаюсь. Безработный. Открывает свою пухлую тетрадь: «Ташпулат, сын Эшмурата, мельник». Тут и смех меня разобрал, и затрясло от злости. Эй, говорю, брат, на той мельнице, что вы видели, жернов

давно сломался! Если я за весь год смолот там пять фунтов, пусть бог меня покарает! Мы, говорит, за ваш жернов не ручались. А твой дядя Ташпулат за пять целковых не ручался. Все, говорит, можете идти! И ты, братец, тоже можешь сидеть спокойно!.. Во рту у меня был насвай, хотел я ему в рожу плюнуть, да не поддался шайтану, вышел себе спокойненько, подбрасывая тубетейку.

Что, ты думаешь, он мне сделает? Протянет нитку через нос моей голодной собаки?..

А ты знаешь, кто этот подонок, главный «налоговой»? Есть же бай Ишанходжа-чурбак, так это его сын — этот негодяй главный «налоговой». Нигман-рябой его зовут. Ходил я, ходил иногда на эту мельницу, но зачем? Анашу курить! Наверно, тогда он меня и заметил. Решил: дядя Ташпулат — мельник. Рябая сволочь! Бог свидетель чтоб я теперь еще раз на эту мельницу пошел!.. Возьми-ка эту бумагу, скажи там, если спросят, скажи, мол, в век он больше не будет курить на той мельнице анашу!

ОТ АВТОРА. Пришли ко мне друзья дяди Ташпулата, чтоб я им заявление написал. Написал я — и потерял покой: а ну как явится куча друзей Ташпулата из других мест, узнав обо мне как о писце заявлений?.. Вот я и счел за благо записать слова самого Ташпулата.

А рябой «налоговой» и вправду имеет привычку родственнику своему богатому писать всего девять рублей налога, а кому-нибудь другому, что даже и с приказчиком родственника не сравнится,— девяносто... Проклятый рябой!.. Хороший сынок, родственник, папочку, может быть, вообще от налога освободил. Это его сыновние чувства разбирают...

* * *

Бог свидетель, тянет меня богохульствовать. И у доброго дела донышко с дыркой. Вот скажи мне, что такое «бапиржа Гурды»?¹

---

¹ Искаженное — «Биржа труда».

Вот, например, если взвесить его на весах, сколько он пудов потянет? Бог свидетель, ходил я под дверью этого негодника два месяца, склонял голову, просил хлеба, работы, а в меня камни летели. Если ты в этом хоть малость сомневаешься, поклянусь сорока четырьмя годами моей мусульманской веры! Мне не досталось даже трамвайной рельсы почистить. Пусть меня на том свете припечет, ежели вру! Тебе, племянник, враньем кажется, а перед богом — чистая истина!..

Вчера в доме Салима-недотепы устроили мы вроде хашара. Махаю я кетменем по колено в грязь, плаваю в глине, как утка в луже, смотрю — идет по дорожке один из этих новых молодчиков, в руках у него кожаный портфель, на ногах сапожки со скрипом... Эй, спокойно ли у вас в стране, хозяин, спрашиваю. Ни тебе «здрасте», ни тебе «бог в помощь». Подходит ко мне эдак чинно, поступью завязанного законника. «Кто хозяин этого дома?» У Салима-недотепы — душа в пятки. Дрожь разобрала, не ведает, что бормочет. «Вы откуда взяли людей?» Да по домам их собрал, говорит Салим. «Почему не с биржи?» Салим на меня посмотрел, и ребята с крыши поглядывают. А я говорю: «Это ж, братец, хашар, взаимопомощь». — «Что еще за взаимопомощь?» А это, говорю, если ты не будешь думать о чаевых, да скинешь свою рубашечку с оборками, да сапоги снимешь, да полезешь ко мне сюда — это и будет называться «взаимопомощь». Нечего, говорит, новые законы выдумывать! Ей-богу, мне захотелось веру сменить. Иди, иди, говорю, нет у тебя купчей на эту недвижимость. Еще ненароком грязь в морду попадет. И тут я давай размешивать глину ногами, кетменем размахивать, ну, он сразу в сторонку. А-а, говорю, закон знаешь, а заповедных слов не ведаешь, а хозяин? А ведь сказано: «Принял в хашаре участие — твой труд вознаградится; выпил да покался — грех тебе не зачтется»... А молодчик и этого не слушает: вытащил тетрабочку да переписал одного за другим нас всех — точь-в-точь список приглашенных на свадьбу! Вот после этого мы все и решили утром к этому самому «бапиржа Турды» отправиться. Вчерашние дела, братец!..

И вот иду нынче не торопясь, и, бог свидетель, печаль меня разбирает от того, что происходит в мире. Слушай, ежели у тебя в кармане копеек десять-пятнадцать, дай-ка их сюда, во имя праха твоих предков!..

* * *

Во имя господи! Пошел я по этому пути. Но ведь, когда ни глянь, альчик вечно вогнутой стороной вверх падает! Не везет мне в азартной игре, не везет, все вкривь да вкось, хоть вату подстели — все равно жестко. Вместо хлеба камень кусаю. Все лето работал и только воду пил, а заработал одну тыкву для чилима. Прошло светлое лето, ничего урвать не удалось, даже трех-четырёх фунтов анаши. Ох, братец, ладно, не в этом даже дело. Оставшиеся от старика один-два танапа земли — тоже на кон поставил! Триста шестьдесят три жилки затряслись во мне, когда я крикнул: «Пан или пропал!» И все уплыло... Стал живую мать оплакивать — кормить-то ее теперь нечем...

Н-да. повесть короткая. Чтоб урвать анаши да пропитанья дней на пять-десять, пошел по дворам друзей, дехкан сарыкульских. Прихожу, а в Сарыкуле плач, стон! Что, говорю, волки, что ли, на ваши дома напали?.. Бог свидетель, два часа смотрел я на эту панику, собаки своих хозяев не узнают, а люди взвалили тыквы на плечи — думают, это головы. А из-за чего, спросил?.. Кто-то, по имени «горотьска комхоз», возвестил, печать приложив, чтобы все рабы божьи через семнадцать часов записались да съехали, а его «землемериска» уже и подсчитал, как, мол, землю использовать. А-а, кричат, вся сарыкульская земля в государство переходит!.. Ну вот, говорю, значит, это правда, что царским батракам землю дают, негодники. На сарыкульское собрание собрались все такие же, как я, полководцы. Говорят, кому что в голову взбредет. Если, мол, даже власти выстрелят в нас из тридцати- аршинных пушек, все равно мы из Сарыкуля «сапсим» не двинемся. Ух, шутят шалопаи с

властями! Эй, народ, сказал я, нарушать закон — это вам не чилим выкурить. Хм, а что ж нам делать, кричит один. А что тебе делать, отдай землю, а сам волков лови! А есть среди вас пастухи — кабанов пасите!.. Чур-чур — гомонят, гомонят, а разговор не клеится. Зашел я к Назиму-зеленщику, урвал фунта два анаши — и оставил Сарыкуль на волю господню...

* * *

Иногда обижаешься на собственную мать, коли она тебя не понимает. Утром недовольство, вечером недовольство, господи боже мой! Одни упреки! Да, мать — это, конечно, мать, но что она говорит, братец Махкам! Уже четыре раза шел снег, а ты крышу не чистил, возьми лопату, полезай на крышу. Бог свидетель, это Ж пустой разговор, а пустых разговоров я терпеть не могу. Что значит — четыре раза шел снег? А, Махкам? Я что, дурень, что ли? Да пока он не выпадет раз десять, да не ляжет аршина на полтора — не возьму я в руки никакой лопаты, не полезу я на эту крышу. Делай дело по силам, верно, Махкам? И почему эти старухи вечно ворчат, гундят, вот капать будет, вот течь будет, вот крыша упадет... Ну, упадет, ну, новую наляпаем...

Выхожу на улицу — паника. Что случилось?.. Сегодня выборы. Восьмеро бедняков меня окружили. Что стряслось-то? Да выбираем тебя в начальство. Ох, ты, господи боже мой, «галавам» кружится. Как же? А где на выборах эти шевелящие усами эликбаши-зятя, Таджи-ходжаин, Беназар-ходжи — где они?.. Бог свидетель, мне эти государственные дела не по нраву. Махаллинских домла-помла. Эрназар-ходжи, Пирназар-ходжи — э-э, мы их всех уважаем, позапирали в их домах, а сверху еще замки навесили. Если хоть один из вас вылезет из амбара-помбара и вмешается — не обижайтесь потом. А вспоминаю я николаевские выборы — белые шары, черные шары — и настроение у меня тут же портится...

Зачем, вы думаете, собирали деньги со всей махалли казий да

Бадалмат-дума — собирали да в конверт клали?.. Подмажут кого надо — белый шар, не подмажут — черный шар. И это снова нужно нашим негодникам? Дать бы по носу этому казию-домле, да и думе заодно. Поднять бы руку да и сесть за столик — вот только боюсь Абдуджаббара-кары, строгий он, скажи, Махкам!

Тебе брехней кажется, братец, а богу — правдой, Абдуджаббар- кары как-то призвал меня на строгий допрос, все равно как мункар и накир в могиле; думаешь, уже богу душу отдал, а у тебя насвай во рту.

«Кто ты?»

«Ташпулат».

«Чем занимаешься?»

«Грузы таскаю».

«Хул еган ты!»²

«Иногда и жидкое, иногда сухое — в общем, что попадается, то и ем».

«Ах ты... а в игры азартные играешь?»

«Конечно, играю — если есть что на кон поставить...»

Бог свидетель, понимал бы я хоть что-нибудь в этой нынешней суете. Зачем ему знать, ем ли я жидкое? Хул еган — ну, и что ему в этом? Если лезет в горло — сухое ем, не лезет — жидкое. Так-то, Махкам...

Перевод Н. Владимировой, А. Наумова

---

² Буквально: «Ел ли ты жидкое?»—так понимает Ташпулат слово «хулиган»

ПИР ЗЛЫХ ДУХОВ

Когда папа начинает рассказывать об этом, я каждый раз пугаюсь и думаю: «Господи, не ввергни меня в такую беду». Вчера к нам в гости приехала тетя. Вечером, после ужина за чаем они рассказывали разные истории. Зашел разговор о чертях, райских пери и дивах. И папа опять не удержался и рассказал о пире злых духов. Всякий раз, когда папа начинает рассказывать эту историю, меня охватывает ужас, и сейчас я забрался в постель и укутался одеялом. Папа посмотрел на меня и улыбнулся.

— Я только что женился, был занят домом, хозяйством и своевременно не приготовил шесты для виноградных шпалер,— начал он.— Как-то я заглянул в сад и увидел, что виноградные ветки разрослись и нужно было ставить подпорки. А тут еще пошел дождь и виноградные лозы словно его только и ждали — буйно потянулись вверх. Я решил в тот же день добыть шесты. Если я завтра не поставлю шесты и не сниму слой земли с закопанных корней, то урожая мне не видать.

Оказалось, что я мало приготовил ивовых прутьев для подвязки подпорок, а к полудню их уже не будет на базаре. Да и сад наш далеко от дома — пока пойдешь на базар да обратно, уйдет уйма времени. Что делать? Я нарезал прутьев от ивовых деревьев и тополя. Взял их и пошел в виноградник. Там я провозился до вечера, но сделал все как полагается. В соседних садах не осталось уже ни одного человека, и на улице был слышен лишь цокот кузнечиков да кваканье лягушек. Когда я вышел из сада, время приближалось к последней вечерней молитве. Пустился я в дорогу уже в полной темноте. А вы знаете, что за нашим садом заросли кустарника. Мне нужно было пройти через них и выйти на большую дорогу. Заросли были темными и жуткими, но я спокойно шел в темноте, только идти было трудно:

я то и дело спотыкался.

До большой дороги осталось пройти лишь рощицу Хамдама-гончара.

На этом месте рассказа я плотнее завернулся в одеяло.

Папа продолжал:

— Прошел я шага два по рощице, вижу — свет. Я оглянулся. Свет лился с площади. Я услышал говор, смех, звуки чилдирмы, дутара, тамбура. И застыл на месте. Действительно, здесь в эту пору бывают лишь совы, и меня удивил смех и говор. Я ведь утром проходил здесь и, если бы готовились к пиру, я не мог бы не заметить этого.

«Наверное, молодежь собралась»,— подумал я. Я решил обойти стороной площадь и воспользовался проломом в дувале. Место пира было освещено, как днем. Лампы висят на деревьях, на земле разостланы шелковые ковры. В стороне стоят огромные белые самовары и большие котлы, в которых что-то трещит и кипит. В цент-ре сидят люди, много людей — молодые и старые, а вокруг музыканты играют на дутарах, чилдирме, нагаре. Не успел я оглянуться, как ко мне подбежал какой-то человек и закричал, обращаясь к гостям:

— Смотрите, Усар-ака пришел!

Все повернулись в мою сторону. Послышались голоса:

— Проходите, добро пожаловать, Усар-ака, закончили с шестами?

Я сейчас уже не помню, что я им отвечал, так как был очень удивлен.

Хотя я и упирался, меня потащили на почетное место. Обычно, когда приходишь на празднество и усаживаешься за стол, читаешь короткую молитву. Но мне было задано столько вопросов, что я забыл прочитать ее. Когда немного пришел в себя, я оглядел присутствующих. Мне показалось, что многих из них я встречал прежде. И в то же время я видел, что это совершенно чужие люди. Но они обращались со мной как со старым знакомым, называли меня по имени, спрашивали о делах

— и все это меня поражало.

Какой-то человек, по-видимому, распорядитель пира, сказал:

— Пусть Усар-ака угощается.

Но кто-то возразил:

— Давайте сначала насладимся музыкой и танцами, а закусывать будем все вместе.— Он повернулся ко мне и продолжал: — Вы, наверное, с удовольствием слушаете музыку.

Я был голоден, но здесь я был гостем и не посмел возражать.

Музыканты настроили инструменты и начали протяжную грустную мелодию. Это была волшебная мелодия. Сердце мое больно сжалось, я заплакал. Почему я плакал, я и сам не мог бы объяснить.

Наконец музыка замолкла. Я почувствовал себя усталым как никогда. И не мог пошевелиться. Люди вокруг хитро поглядывали на меня, многие улыбались. Мне стало неловко.

Музыканты приготовились играть новую мелодию. Сердце у меня забило, и я понял, что больше не выдержу. Но с первыми звуками почувствовал, как кровь горячо побежала по жилам. Мне стало вдруг легко и весело. Мелодия была радостной, я не знал ее названия. В круг впорхнула девушка лет пятнадцати-шестнадцати с кудрявыми волосами, круглым личиком. На ней была одежда из зеленого бархата. Она сделала несколько легких шагов, и на ногах у нее зазвенели колокольчики.

Лилась музыка, и под нежную мелодию девушка начала танец. Мне вдруг стало необыкновенно радостно. Казалось, что горы улыбаются, звезды светят ярче, листья на деревьях дрожат. И тут я почувствовал, что против воли поднимаюсь, еловую меня толкает какая-то сила. Я приблизился к девушке и начал танцевать с нею.

Мама и тетя громко засмеялись. Я же вдруг ясно увидел отца, пляшущего с девушкой.

— Я начал танцевать,— продолжал папа,— танцую и все гляжу на плясунью.

Девушка, видно, "устала и отошла в сторонку, а я все продолжаю танцевать и не могу остановиться. Люди вокруг хлопают в ладоши, кричат, подсмеиваются надо мной, корчат рожи, а я, не обращая ни на кого внимания, танцую.

И вдруг я споткнулся и упал. Через некоторое время я поднялся, широко раскрыл глаза и поглядел вокруг: ни людей, ни музыкантов — никого. Черная площадь, а я стою в арыке.

* * *

Эту папину историю я рассказал своему учителю. Он посмеялся.

— Все это выдумки, фантазия.

— Неужели выдумки? — спросил я, и учитель сказал, что в следующую пятницу он будет рассказывать ребятам о том, как возникает фантазия.

— Приходи, — сказал учитель, — ты все узнаешь.

— Я обязательно пойду в пятницу в школу, послушаю. Если у вас есть время, приходите тоже.

Перевод с узбекского Н. Владимировой